

Чесноков И. И. Референтивная функция виндиктивного дискурса / И. И. Чесноков // Научный диалог. – 2014. – № 4 (28) : Филология. – С. 133–142.

УДК 811.161.1'42::159.942

Референтивная функция виндиктивного дискурса

И. И. Чесноков

В статье рассматривается дискурсивное воплощение концепта месть. Автор относит его к числу эмоциональных концептов, выступающих источниками социальной активности человека. Вводятся термины *виндиктивный дискурс*, *ситуация военного типа (в общении)*, *деонтический страх*. Кратко описываются психический эпицентр, мотив, цель виндиктивного дискурса, субъект которого обращается к стратегиям устрашения и проклятия и соответствующим им тактикам (поругания, злопожелания, угрозы). Предлагается характеристика виндиктивного дискурса с функциональной точки зрения. Автор ставит перед собой задачу выявить его роль, предназначение в общем процессе социального взаимодействия людей. Онтологическим свойством виндиктивного дискурса автор считает его сигнальную двунаправленность, поскольку оно сочетает устрашение агрессора и призыв к совместному противостоянию, обращенный говорящим к своим сторонникам. В качестве адресатов-слушателей, по мнению автора статьи, выступают члены одного с отправителем речи лингвокультурного сообщества. Рассматривается и получает развернутое определение референтивная функция. Она заключается в представлении интенций говорящего в таких формах, которые через разные степени унижения адресата-агрессора позволяют ему ощущать свою социальную значимость и заявлять об этом окружающим.

Ключевые слова: концепт МЕСТЬ; виндиктивный дискурс; референтивная функция.

Одним из источников социальной активности человека является эмоциональный концепт, представленный в русскоязычном обыден-

ном сознании ключевым словом *месть*. Названный концепт находит свое выражение не только в предметно-практической, но и в возникшей на ее основе речевой деятельности, которая характеризуется фрустрационной обусловленностью, осознанностью, целенаправленностью, агрессивностью и по прагматическим параметрам определяется нами как vindиктивный дискурс (далее – ВД) [Шаховский и др., 2005].

Глубинным психологическим мотивом данного вида речевой деятельности является потребность индивида в эмоционально-энергетической разрядке, которая трансформируется в целевую установку, связанную с устранением источника фрустрации (или замещающего его объекта) и установлением границы, отделяющей свое (безопасное) от чужого (враждебного) пространства.

Охарактеризовать ВД с функциональной точки зрения – это значит выявить его роль, предназначение в общем процессе социального взаимодействия людей как представителей вида *homo sapiens*. Такого рода характеристика может быть построена с учетом факторов, предопределяющих его порождение, а именно: ситуации общения и мотивационно-целевой базы данного вида речевой деятельности.

При решении поставленной задачи целесообразно исходить из того набора общеязыковых функций, который был намечен в трудах К. Бюлера и Р. Якобсона.

К. Бюлер, как известно, опираясь на три ведущих компонента акта коммуникации (адресанта, адресата и предмет речи), выделил три общеязыковые функции: выражения (экспрессивную), соотносимую с говорящим, обращения (апеллятивную), соотносимую со слушающим, и сообщения (репрезентативную), соотносимую с предметом, о котором идет речь [Бюлер, 1993, с. 34].

Р. Якобсон к трем участникам коммуникативного акта – говорящему, слушающему и предмету речи – добавил еще три – контакт (канал связи), код, сообщение – и соответственно выделил шесть общеязыковых функций: 1) экспрессивную (эмотивную), соотносимую с отправителем сообщения, 2) конативную, ориентированную

на адресата, 3) референтивную (коммуникативную, денотативную, когнитивную), ориентированную на сообщение, 4) фатическую, связанную с установлением контакта, 5) метаязыковую, направленную на толкование кода, и 6) поэтическую, акцентирующую внимание на эстетических параметрах сообщения [Якобсон, 1975, с. 198].

Выделенные К. Бюлером и Р. Якобсоном функции определяют природу языка как деятельности в целом. В практике социального взаимодействия в зависимости от ситуации общения и мотивационно-целевых факторов, предопределяющих использование языка говорящим, между ними устанавливаются определенные иерархические отношения, и потому о функциональном своеобразии того или иного дискурса можно говорить, имея в виду то, на какую (или какие) из них он ориентирован в первую очередь. Определение доминирующей функции, в свою очередь, позволяет переходить к рассмотрению вопроса о ее спецификации, или воплощении в частных, производных от нее функциях, а также о влиянии на другие, реализуемые данным видом речевой деятельности, общеязыковые функции.

ВД, как уже отмечалось, порожден ситуацией, в которой сталкиваются интересы людей, ведущих борьбу за жизненное пространство [Чесноков, 2009, с. 99–108]. В этой ситуации индивид, ощущающий исходящую от другого индивида угрозу своей жизни или благополучию, стремится установить границу, отделяющую свое (безопасное) жизненное пространство от чужого (враждебного). Для этого, преодолевая в себе чувства страха, унижения или раздражения и прибегая к стратегиям утрашения (тактике угрозы) и проклятья (тактикам изгнания, поругания и злопожелания), он направляет свою речевую деятельность на эвокацию у источника фрустрации аналогичных чувств. Это означает, что ВД ориентирован прежде всего на выполнение эмотивной и конативной (по Р. Якобсону) или регулятивной (по Н. Б. Мечковской [Мечковская, 1996]) общеязыковых функций.

Взаимосвязь последних, реализуемых ВД, функций оказывается настолько очевидной и тесной, что представляется целесообразным

объединить их в одну – эмотивно-регулятивную и считать, что для изучаемого вида речевой деятельности она является доминирующей.

Характерной особенностью данной функции в контексте исследуемого феномена является ее амбивалентность, связывающая деструктивное воздействие на психику адресата-агрессора с оптимизацией эмоционального состояния адресанта (и его сородичей). Имея в виду последнее обстоятельство, можно выделить еще целый ряд реализуемых ВД функций (деморализующую и инспиративную, демобилизующую и мобилизующую, разобщающую и интегрирующую, патогенную и терапевтическую, ноцицептивную и гедонистическую и др.) и рассматривать их как производные от вышеназванной [Чесноков, 2009, с. 126–127]. Кроме этого, целесообразно иметь в виду ее влияние на другие реализуемые ВД общеязыковые функции, в частности – **референтивную**.

Термин *референция* (англ. *reference*) восходит к английскому глаголу *to refer* – 1) посылать, отсылать (*to* – к кому-л., чему-л.); направлять (за информацией и т. п.); 2) передавать на рассмотрение; 3) обращаться (за помощью); 4) наводить справку, справляться; 5) приписывать (чему-л.), объяснять (чем-либо); 6) иметь отношение, относиться (его слова относились только ко мне); 7) ссылаться (*to* – на кого-л., на что-л.); 8) говорить (о чем-л.), упоминать; 9) устар. откладывать [А-РС, с. 825–826].

Терминологическое значение глагола и имени (*reference*), как указывает Н. Д. Арутюнова, «развилось из их обычного употребления в философской логике в ходе обсуждения проблемы отнесения языковых выражений к внеязыковым объектам (денотатам, номинатам, десигнатам, референтам) и, шире, соединения мысли и реальности посредством языка» [Арутюнова, 1982, с. 5]. Дело в том, что мир не дан человеку непосредственно, он отражается в его сознании и интерпретируется им при помощи различных знаковых систем, в том числе языка [Налимов, 1979; Серебренников, 1988 и др.]. Языковая интерпретация мира опосредуется как об-

щим мировоззрением человека, так и его эмоциями и интенциями в момент осуществления данной деятельности [Рейковский, 1979; Шаховский, 1987 и др.]. Поэтому теория референции вынуждена учитывать прагматику речи, все основные типы отношений, определяющие коммуникацию, то есть перекрестные связи между языком, действительностью, ситуацией речи, говорящим и адресатом, и включать в концептуальный аппарат такие понятия, как коммуникативная установка говорящего, его интенции, фонд знаний собеседников, коммуникативная организация высказывания, отношение к контексту и т. п. [Арутюнова, 1982, с. 11].

Наиболее важный шаг в направлении прагматизации общей теории референции был сделан Л. Линским, который прямо связал акт референции с речедействующим субъектом, полагая, что референция осуществляется теми, кто пользуется языком, а не теми выражениями, к которым прибегают говорящие для указания на предмет речи. А поскольку акт референции осуществляется говорящим, то он, по мнению ученого, неотделим от его (говорящего) коммуникативных намерений. Поэтому референция была интерпретирована исследователем как одно из проявлений интенций говорящего [Линский, 1982].

В таком же духе высказывался и Дж. Серль, рассматривая референцию как отношение между намерением говорящего и узнаванием этого намерения адресатом [Серль, 1982].

Понимание референции как субъективного акта, детерминируемого намерением говорящего, оказалось актуальным для изучения косвенной референции, которая определяется не собственно языковыми правилами, а знаниями приемов речевых хитросплетений [Арутюнова, 1982, с. 15].

Интенциональный подход к референции оказался актуальным и для общей теории дискурса, которая, как известно, зародилась и получила развитие в связи с необходимостью изучения самых разных экстралингвистических (в том числе и интенциональных) факторов, предопределяющих речепроизводство и создание текстов, см. [Кара-

сик, 2002; Макаров, 2003 и др.]. Неслучайно Э. Бенвенист определял дискурс как речь, присваиваемую говорящим [Бенвенист, 1974], а Р. Лангакер говорил о том, что дискурс следует рассматривать как такой объект исследования, который представляет мир, созданный человеком [Langacker, 1987].

Какой же мир создает субъект посредством ВД? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что ВД порождается неудовлетворенностью его субъекта происходящим в данной ситуации социального взаимодействия и его желанием подчинить своей воле (то есть «расставить по местам») всех ее участников. Для этого, как уже отмечалось, он обращается к стратегиям устрашения и проклятия и соответствующим им тактикам, которые ориентирует на источник фрустрации и / или замещающий его объект (воздействуя при этом в определенных ситуациях и на адресата-наблюдателя) и воплощает в ритуализованных и косвенно-производных формах.

Ритуализованные формы ВД – арсенал лингвокультуры, прежде всего используемый ее носителями в ситуации военного типа, когда сообщество преобразуется в единую силу, направленную против чужого закона, подробнее см.: [Чесноков, 2009, с. 108–121]. Ведение войны, как известно, предполагает овладение высотами – и не только географическими, но и моральными. Захват последних и осуществляется ВД: ведь устрашение и проклятье врага означает также и возвышение над ним адресанта, см.: [Карасик, 1989, с. 52]. Враг (или объект ВД) в ситуации военного типа может и не понимать содержания сказанного, его активность как слушателя в данном случае имеет второстепенное значение, и в этом смысле его можно считать потенциальным адресатом. Реальными адресатами-слушателями здесь становятся члены одного с отправителем речи лингвокультурного сообщества. Для них открытое и недвусмысленное устрашение и / или проклятье агрессора является и призывом к совместному противостоянию, и инспиративом, поскольку свидетельствует об отсутствии у агента социального действия страха. Последнее обстоятельство,

ассоциируемое с наличием силы, и заставляет людей объединяться, так как это означает ее преумножение.

Такая сигнальная двунаправленность ВД – 1) устрашение, проклятье агрессора и 2) призыв к совместному противостоянию – является его онтологическим свойством, восходящим к первым человеческим ритуалам и обусловленным законами внутривидовой конкурентной борьбы. Это свойство закономерно обнаруживается и в текстах – продуктах ВД, наполненных ритуализованными вербальными формами и обладающих в силу этого мощным эмоциогенным потенциалом.

Рассмотрим, к примеру, письмо запорожских козаков турецкому султану. Оно, как считают специалисты, было написано в ответ на грубое повеление султана козакам сдаться: *«Ты шайтан турецкий, проклятого чорта брат и товарищ и самого Люциперя секретарь! Який ты чорта лыцарь? Чорт выкидае, а твое вийско пожирае. Не будешь ты годен сынив християнських тид собою мати; твого вийска мы не боимось, землю и водою будем бытьця з тобою. Вавилонский ты кухарь, македонский колесник, иерусалимский броварник, александрийский козолуп, Великого и Малеого Египта свинарь, армянська свиня, татарский сагайдак, Каминецкий кат, Подолянський злодиюка, самого гаспида внук и всего свиту и подсвиту блазень, а нашего бога дурень, свиняча морда кобиляча с...ака, ризницка собака, нехрещеный лоб, хай бы взяв тебе чорт! Оттак тоби козаки видсказали, плюгавче! Невгоден еси матери вирных хритиан! Числа не знаем, бо календаря не маем, мисяц у неба, год у кнызи, а день такой у нас, як и у вас, поцелуй за те в с...аку нас!»* [КРС, с. 87–89].

Можно сказать, что все содержание письма сводится к унижению султана и демонстрации превосходства над ним авторов, что достигается за счет использования козаками стратегий проклятья и устрашения своего адресата. **Стратегия проклятья** воплощается здесь в **тактиках поругания и злопожелания**. Для реализации первой тактики авторы прибегают к инвективным номинантам султана (*чорта брат, Люциперя секретарь, самого гаспида внук,*

свиньяча морда и др.) и идиоматизированному волитиву (*поцелуй за те в с...аку нас*). Вторая тактика представлена идиоматизированной волеизъявительной конструкцией *хай бы взял тебя чорт*. **Стратегия устрашения** реализуется в **тактике угрозы**: *Не будешь ты годен сынив християнських пид собою мати; твого вийска мы не боимось, землю и водою будем бытьця з тобою*.

Можно привести и другой, хронологически более близкий к современному носителю русской лингвокультуры, пример: *«Бей фашистских гадов!», «Сотрем с лица земли фашистскую нечисть!»* и др. (призывы периода Великой Отечественной войны).

На использование ритуализованных форм ВД в так называемое мирное время, в ситуации иерархического типа, налагаются запреты морального или юридического свойства, которые лишают фрустрированную языковую личность права реализовать себя как карающую силу в речеповедении. В такой ситуации фрустрированная языковая личность обрекается на конфликт, в который вступает ее бессознательное со знанием деонтических норм. Если в этом конфликте гнев подавляет страх перед наказанием со стороны сообщества за нарушение принятых в нем правил поведения, то в ход идут все те же, выработанные в ситуации военного типа, ритуализованные формы виндиктивной речи, что и происходит всякий раз в обыденном, чаще – непубличном общении. Ср.: *«Ирод! Да чтоб тебе провалиться за такую работу! Пошел вон со двора, а то зашибу чем не попадая»* (записи живой речи). (В этом высказывании, кстати говоря, ВД является себя в полном объеме: *Ирод* – поругание, *да чтоб тебе провалиться* – злопожелание, *пошел вон* – изгнание, *зашибу* – угроза).

Если же чувство гнева оказывается неспособным полностью преодолеть деонтический страх, то происходит активизация речемыслительной деятельности, в результате чего и порождаются косвенные виндиктивные высказывания (подробнее см.: [Чесноков, 2009, с. 121–124]).

В качестве примера косвенного поругания оппонента можно привести высказывание лидера ЛДПР В. В. Жириновского: *«У меня дома*

десять тысяч книг. Пойдемте к Зюганову – у него только “Дед Ма-зай и зайцы”» (РТР. «Вести». 18.11.2007).

Вышеизложенное показывает, что референтивную функцию ВД можно свести к представлению интенций говорящего в таких формах, которые через разные степени унижения адресата-агрессора и / или замещающего его объекта позволяют ему ощущать свою социальную значимость и заявлять об этом окружающим (в определенных ситуациях способствуя эвокации аналогичного ощущения у адресатов-наблюдателей, которых он считает своими). В результате реализации названной функции и создается карта ситуации социального взаимодействия, на которой адресат-агрессор и / или замещающий его объект оказывается на нижних, а говорящий (и его соратники) на верхних ступенях некой виртуальной или реальной системы иерархических отношений.

Источники и принятые сокращения

1. А-РС – *Англо-русский словарь* / сост. проф. В. К. Мюллер. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962. – 1192 с.
2. КРС – *Крепкое русское слово*. – Москва : Альта-Принт, 2005. – 320 с.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Радуга, 1982. – Вып. XIII : Логика и лингвистика (Проблемы референции). – С. 5–40.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика : [пер. с фр.] / Э. Бенвенист. – Москва : Прогресс, 1974. – 447 с.
3. *Бюлер К.* Теория языка : репрезентативная функция языка : [пер. с нем.] / К. Бюлер ; общ. ред. и коммент. Т. В. Бульгиной; вступ. ст. Т. В. Бульгиной. – Москва : Прогресс, 1993. – 528 с.
4. *Карасик В. И.* Статус лица в значении слова : учебное пособие по спецкурсу / В. И. Карасик. – Волгоград : Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича, 1989. – 112 с.
5. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

6. *Линский Л.* Референция и референты : [пер. с англ.] / Л. Линский // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Радуга, 1982. – Вып. XIII : Логика и лингвистика (Проблемы референции). – С. 161–178.

7. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с.

8. *Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика : учебное пособие / Н. Б. Мечковская. – Москва : Аспект-Пресс, 1996. – 207 с.

9. *Налимов В. В.* Вероятностная модель языка : о соотношении естественных и искусственных языков / В. В. Налимов. – Москва : Наука, 1979. – 303 с.

10. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций : [пер. с пол.] / Я. Рейковский. – Москва : Прогресс, 1979. – 392 с.

11. *Серебренников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке : язык и мышление / Б. А. Серебренников. – Москва : Наука, 1988. – 244 с.

12. *Серль Дж. Р.* Референция как речевой акт : [пер. с англ.] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Радуга, 1982. – Вып. XIII : Логика и лингвистика (Проблемы референции). – С. 179–202.

13. *Чесноков И. И.* Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры) : диссертация... доктора филол. наук / И. И. Чесноков. – Волгоград, 2009. – 334 с.

14. *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 192 с.

15. *Шаховский В. И.* Фрустрации – эмоции – дискурс (к теории vindиктивного дискурса) / В. И. Шаховский, И. И. Чесноков // Языковая личность в дискурсе : полифония структур и культур : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Москва – Тверь : ИЯ РАН : ТвГУ : ТГСХА, 2005. – С. 152–159.

16. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм : «за» и «против». – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.

17. *Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar / R. W. Langacker. – Stanford (CA) : Stanford University Press, 1987. – Vol. 1 : Theoretical Prerequisites. – 516 p.

© **Чесноков Иван Иванович (2014)**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград), Isto1923@yandex.ru.